

Тарханов Иван Романович

Дух и тело

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Романович Т.**
Дух и тело / Тарханов Иван Романович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 312 с.

ISBN 978-5-519-76333-2

ISBN 978-5-519-76333-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

трагедія въ душѣ человѣка безъ того, чтобы окружающимъ удавалось что-либо замѣтить.

Это краснорѣчивое наблюденіе съ отчетливостью доказываетъ, что явленія, лежащія въ основѣ душевной дѣятельности, а равнымъ образомъ и самые элементы психической дѣятельности, какъ-то: чувство, аффекты, мысли и воля, совершенно неуловимы для окружающихъ, благодаря ихъ отчетливо выраженной субъективности, дѣлающей ихъ доступными только самонаблюденію.

На это можно было бы замѣтить, что психическія явленія не доступны для окружающихъ еще и потому, что полемъ ихъ служитъ головной мозгъ, а онъ прикрытъ костями черепа. Но это замѣчаніе легко устранить тѣмъ извѣстнымъ наблюденіемъ, что и у людей съ вскрытой черепной крышкой, какъ это бываетъ при извѣстныхъ пораненіяхъ головы, а слѣдовательно съ обнаженнымъ мозгомъ можно констатировать только одно, что при покоѣ, напримѣръ, при снѣ, мозгъ опускается, становится малокровнѣе, немного холоднѣе, и, наоборотъ, при просыпаніи, при мозговомъ возбужденіи пухнетъ, наливается кровью и согрѣвается; но какія чувства и мысли и т. д. роятся въ таинственныхъ механизмахъ чужого мозга, о томъ, конечно, мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго представленія.

Итакъ, о существованіи психическихъ явленій въ мірѣ подобныхъ намъ ближнихъ мы судимъ только на основаніи того, что мы сами обладаемъ ими, и что внѣшнія реакціи людей на условія окружающей ихъ среды въ общемъ представляютъ довольно много аналогій. Признаніе и въ другихъ міра душевныхъ явленій основано, слѣдовательно, на внѣшнемъ выраженіи ихъ въ звукахъ рѣчи, въ поступкахъ, мимикѣ, жестахъ, аналогичныхъ тѣмъ, какія производимъ и мы при данныхъ душевныхъ состояніяхъ; если другой, попадая въ тѣ же условія существованія, какъ и я, поступаетъ приблизительно такъ же, какъ и я, то, слѣдовательно, и онъ мыслитъ и чувствуетъ подобно мнѣ. Если бы человѣкъ былъ окруженъ людьми, лишенными возможности выражать свой внутренній душевный міръ въ поступкахъ, то у насъ не было бы никакихъ основаній признавать существованіе міра душевныхъ явленій и въ другихъ.

§ 2. Вовсе не въ такомъ положеніи находятся тѣлесные процессы въ организмѣ—я разумѣю здѣсь явленія кровообращенія, дыханія, пищеваренія, обмѣна веществъ, выдѣленія, отдѣленія, сферу мышечныхъ сокращеній, дѣятельность органовъ чувствъ, ростъ тѣла и размноженіе. Всѣ они отличаются замѣчательною объективностью и, слѣдовательно, вполне доступны внѣшнему наблюденію. Работа сердца выражается отчетливыми явленіями сердечнаго толчка, сердечныхъ тоновъ, движеніемъ крови въ сосудахъ, колебаніями объема органовъ—все явле-

ніями, легко доступными измѣренію путемъ весьма точныхъ аппаратовъ. Работа мышцъ выражается въ ихъ сокращеніи, производящемъ механическую работу передвиженія членовъ или поднятія грузовъ, и т. д., работа железъ—въ производствѣ тѣхъ или другихъ химическихъ продуктовъ: слезъ, слюны, желчи, пищеварительныхъ соковъ и т. д., причемъ образованіе этихъ соковъ въ железнистыхъ аппаратахъ можетъ быть прослѣжено очень подробно при помощи микроскоповъ и микрохимическихъ реакцій. Наконецъ, явленія обмѣна веществъ выражаются, главнымъ образомъ, въ явленіяхъ тканевого дыханія, т.-е. въ поглощеніи кислорода и выдѣленіи углекислоты и въ образованіи продуктовъ распада, выводимыхъ выдѣлительными железами. При всѣхъ процессахъ жизненнаго обмѣна веществъ въ тѣлѣ остается скрытымъ процессъ созиданія живого вещества въ глубинѣ органовъ и тканей, и о немъ мы судимъ косвенно по величинѣ прихода и расхода веществъ въ тѣлѣ. О ростѣ тѣла или убыли его мы легко судимъ по колебаніямъ вѣса тѣла и измѣреніямъ величины цѣлаго тѣла или его отдѣльныхъ частей въ различныхъ направленіяхъ. Наконецъ, самый актъ размноженія организмовъ изученъ во всѣхъ его деталяхъ, начиная съ оплодотворенія яйца и кончая всей серіей измѣненій зародыша вплоть до образованія изъ него развитого индивидуума.

Такимъ образомъ, всѣ звенья, изъ которыхъ складывается тѣлесная сторона жизни организма, вполне поддаются объективному изученію и потому также доступны со стороны, какъ и самому изслѣдуемому субъекту. При этомъ къ изученію тѣлесныхъ явленій могутъ примѣняться разнообразнѣйшіе физико-химическіе и механическіе способы изслѣдованія, чего какъ-разъ не допускаютъ явленія психическаго порядка, не имѣющія пока по существу своему ничего общаго ни съ химіей, ни съ физикой, ни съ механикой.

Замѣчательно, что, при обыкновенномъ теченіи жизни, человѣкъ сознаетъ, главнымъ образомъ, міръ своихъ психическихъ явленій: свои чувства, мысли, желанія, влеченія и меньше всего всю совокупность протекающихъ въ немъ тѣлесныхъ, въ особенности растительныхъ процессовъ, которые столь доступны объективному изученію. Никто не сознаетъ, напр., работы сердца и кровообращенія, ни дыханія, ни пищеваренія, ни обмѣна веществъ, и это въ сущности представляетъ норму, свойственную здоровому состоянію организма.

Работы эти протекаютъ внѣ сферы сознанія; огромная часть мышечныхъ движеній тоже не сознается нами, и лишь сравнительно малая часть ихъ непосредственно связана съ сознательною жизнью человѣка, и, такимъ образомъ, мы лично, духовно живемъ всего меньше нашею объективною тѣлесною жизнью, всего болѣе доступною другимъ,

и, наоборотъ, всего ближе къ нашему «я» стоитъ все духовное содержаніе личности, т.-е. психическая жизнь ея по своей субъективности, мало доступная другимъ.

Итакъ, познаніе міра душевныхъ явленій доступно самому переживающему ихъ субъекту, изучающему ихъ путемъ внутренняго чувства, путемъ самонаблюденія; познаніе же тѣлесныхъ явленій, происходящихъ въ организмѣ, благодаря объективности ихъ, доступно каждому какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ, лишь бы изслѣдователь былъ вооруженъ всѣми знаніями, которыя необходимы для производства физико-химическаго и механическаго анализа этихъ тѣлесныхъ явленій.

§ 3. Несмотря на эти основныя характеристическія отличія между міромъ душевныхъ и тѣлесныхъ процессовъ, не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы они не стояли между собою ни въ какой связи; такъ думали прежде, и въ особенности школа спиритуалистовъ, доходившая до того, что принимала двойственность человѣческой природы, состоящей отдѣльно изъ духа и тѣла.

Мы уже сказали, что явленія психическаго порядка протекаютъ при обыкновенныхъ условіяхъ не изолированно отъ тѣла, а отражаются и на другихъ системахъ тѣлесныхъ органовъ, вызывая измѣненія и въ кровообращеніи, и въ дыханіи, и въ пищевареніи, и въ обмѣнѣ веществъ, и находятъ наиболѣе яркое выраженіе свое въ игрѣ мышцъ лица (мимика), мышцъ языка, губъ, нѣба и дыхательнаго аппарата (рѣчь) и, наконецъ, мышцъ конечностей головы (пантомима). По смыслу этихъ послѣднихъ актовъ, по ихъ послѣдовательности, скорости теченія и т. д. судятъ со стороны о ходѣ психическихъ процессовъ въ организмѣ. И этими-то явленіями и пользуется современная психо-физика и психо-физиологія при анализѣ элементовъ чувства и мысли.

Въ предстоящемъ изложеніи я имѣю въ виду познакомить читателя съ подробностями этихъ связей между міромъ душевныхъ и тѣлесныхъ явленій организма; несмотря на всю кажущуюся несоизмѣримость этихъ двухъ категорій явленій, связь эта, однако, можетъ быть установлена самымъ непоколебимымъ образомъ. Она, какъ увидитъ читатель, имѣетъ высокое теоретическое и практическое значеніе въ жизни нашей и, подтверждая собою единство духа и тѣла, должна лечь въ основу правильнаго и благотворнаго міровоззрѣнія на истинную природу человѣческаго организма.

Покончивъ съ характеристическими особенностями тѣхъ и другихъ явленій, остановимся прежде всего нѣсколько подробнѣе на мірѣ психическихъ явленій.

II.

Сознательные и бессознательные психическіе акты.

§ 4. Психическія явленія подраздѣляются современной психофизиологіей на двѣ главныхъ группы: на группу сознательныхъ и бессознательныхъ. Все то, что протекаетъ во внутреннемъ полѣ зрѣнія нашего сознанія, какъ-то: сознательное ощущеніе, воспріятіе, представленіе, понятіе, чувство, аффекты, вниманіе и воля,—все это составляетъ содержаніе первой группы и обнимается однимъ общимъ названіемъ—духъ. Все же, что стоитъ внѣ поля зрѣнія сознанія, ниже, какъ говорятъ, его порога, относится къ области бессознательныхъ психическихъ явленій. Мы уже видѣли, что человѣкъ не сознаетъ, по крайней мѣрѣ, болѣе половины всѣхъ тѣхъ явленій, изъ которыхъ складывается его тѣлесная жизнь, въ особенности все, что связано съ явленіями кровообращенія, дыханія, пищеваженія, всасыванія, усвоенія, обмѣна веществъ, выдѣленія и т. д. Всѣ эти явленія протекаютъ внѣ сферы сознанія и, стало-быть, протекаютъ ниже порога его; они даютъ о себѣ знать нашему сознанію лишь при болѣзненныхъ отклоненіяхъ отъ нормальнаго теченія, т.-е. когда органы заболѣваютъ, или измѣняется ходъ ихъ отправленій. Очевидно, что существованіе жизненныхъ процессовъ, не достигающихъ сферы нашего сознанія, должно быть признано за несомнѣнную аксіому, и такое признаніе не встрѣчаетъ затрудненій, когда рѣчь касается тѣлесныхъ или физическихъ явленій жизни. Совсѣмъ другое, когда рѣчь заходитъ о бессознательныхъ психическихъ явленіяхъ, признаніе коихъ затрудняется уже тѣмъ, что со словомъ психизмъ мы всегда привыкли связывать извѣстную степень сознательности; намъ трудно себѣ представить существованіе бессознательной разсуждающей способности или бессознательныхъ ощущеній, чувствъ, а тѣмъ болѣе еще бессознательныхъ поступковъ и дѣйствій, а, между тѣмъ, въ дѣйствительности это признаніе является обязательнымъ.

Прежде всего область бессознательныхъ актовъ обогащается на счетъ сознательныхъ по мѣрѣ ихъ заучиванія и повторенія; это извѣстно, конечно, всѣмъ; актъ ходьбы вначалѣ стоитъ человѣку огромныхъ сознательныхъ усилій; по мѣрѣ же повторенія, дѣлается настолько автоматичнымъ (машинальнымъ), что у нормальныхъ людей не требуетъ никакого участія сознанія и производится даже сомнамбулами или спящими солдатами во время переходовъ. Игра на музыкальных инструментахъ, требующая вначалѣ обученія, огромнаго

сосредоточенія вниманія и воли, затѣмъ, по мѣрѣ повторенія, дѣлается выполнѣ автоматичной, и пальцы музыканта бѣгаютъ по клавишамъ и струнамъ почти безсознательно, какъ бы чисто-механически, и виртуозъ слѣдитъ только за общимъ ходомъ разыгрываемой имъ пьесы, оставляя безъ вниманія мелочи механическаго ея выполнения. Наконецъ, такъ называемые акты учтивости, приличія, приобрѣтенія такъ называемыхъ хорошихъ манеръ въ обществѣ,—все это дается заучиваніемъ сперва сознательныхъ актовъ, требующихъ иногда не мало усилія, но затѣмъ, по мѣрѣ повторенія, всѣ эти акты дѣлаются невольными безсознательными привычками, и такихъ примѣровъ можно было бы привести множество. Очевидно, что область безсознательныхъ актовъ обогащается безпрестанно изъ міра сознательныхъ явленій, и условіемъ этого перехода являются частое повтореніе и заучиваніе сознательныхъ актовъ.

Изъ сказаннаго ясно слѣдуетъ, что отъ міра сознательныхъ актовъ къ міру безсознательныхъ долженъ существовать рядъ постепенныхъ переходовъ, а слѣдовательно и обратно—должны существовать постепенныя градаціи, путемъ которыхъ безсознательные акты переходятъ въ сознательные, и, дѣйствительно, многіе очень выдающіеся фізіологи нашихъ дней, какъ-то: Пфлюгеръ, Бунге и другіе, а изъ прежнихъ Фолькманнъ, признаютъ существованіе различныхъ степеней сознанія, которыя, при болѣе или менѣе напряженности и глубинѣ, распредѣлены по различнымъ нервнымъ участкамъ нашего тѣла. Такъ, даже цѣлесообразность спинно-мозговыхъ рефлексовъ они стремятся объяснить дѣятельностью особой спинно-мозговой души, обладающей своего рода рассуждающею способностью, хотя и болѣе ограниченной и темною, чѣмъ сознаніе, доставляемое намъ головнымъ мозгомъ. Профессоръ Бунге говоритъ даже, что и хемотаксисъ, и геліотропизмъ низшихъ организмовъ и т. д. должны быть соединены съ извѣстнаго рода сознательными ощущеніями, а М. М. Манасеина доказывала въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «О сознаніи» существованіе различныхъ степеней сознанія въ животномъ царствѣ и въ различныхъ частяхъ нервной системы однихъ и тѣхъ же животныхъ и предложила называть эту низшую ступень сознанія *сознавательностью*. Ставъ на эту весьма правдоподобную точку зрѣнія, отрицать которую нѣтъ никакихъ основаній, мы должны будемъ допустить въ человѣкѣ существованіе области безсознательныхъ психическихъ явленій, области, соотвѣтствующей низшимъ ступенямъ сознавательности. Этимъ легко объяснилось бы существованіе массы безсознательныхъ рефлекторныхъ движеній, носящихъ совершенно цѣлесообразный характеръ, а, съ другой стороны, чѣмъ стала бы понятнѣе и масса такъ называемыхъ идеомоторныхъ (идеодвигательныхъ), несо-

знаваемыхъ нами движеній, столь хорошо изученныхъ Карпентеромъ, Прейеромъ и отчасти мною.

Вотъ и примѣръ: если повѣсить легкій грузъ на нитку и взять нитку за верхній конецъ, дать концу свободно висѣть въ воздухѣ, то стоитъ нѣкоторое время при полной кажущейся неподвижности руки представлять себѣ упорно, что грузъ качается въ извѣстной плоскости, напримѣръ, спереди назадъ и сзади напередъ, чтобы онъ принялся качаться въ представляемой плоскости безъ малѣйшаго участія воли экспериментирующаго человѣка.

Всякая перемѣна въ представленіи экспериментатора о движеніи груза влечетъ за собою перемѣну въ направленіи его качанія, и это все при закрытыхъ глазахъ экспериментирующаго лица безъ малѣйшаго сознательнаго усилія съ его стороны. Если долго задумываться надъ предметомъ, лежащимъ справа, то это достаточно для того, чтобы голова постепеннымъ сокращеніемъ шейныхъ мышцъ начала поворачиваться постепенно вправо; глазныя яблоки слѣдуютъ за тѣмъ же движеніемъ, даже плечи вовлекаются въ это идеомоторное движеніе, и лѣвое плечо передвигается слегка вперед и направо въ сторону упорно задуманнаго предмета; то же самое повторяется, конечно, и при такъ называемомъ чтеніи мыслей. Задумавшій субъектъ, намѣтившій какой-нибудь предметъ въ пространствѣ, который долженъ быть открытъ чтеніемъ мыслей, передаетъ этому послѣднему безсознательными идеомоторными движеніями руки, пальца, рядъ толчковъ, рядъ потягиваній, рядъ задержекъ или непосредственно, или черезъ связывающую ихъ цѣпочку, и чтенію мыслей остается только руководствоваться этимъ нѣмымъ языкомъ идеомоторныхъ движеній для того, чтобы прійти къ намѣченной цѣли. Во всѣхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ реально существующими движеніями, связанными съ идеями, но вовсе не сознаваемыми нами.

Да и самое верченіе столовъ во время спиритическихъ сеансовъ естественнѣе всего объясняется тѣми несознаваемыми идеомоторными толчками, которые невольнo производятъ люди въ направленіи упорно ожидаемаго движенія. Вопросъ же о томъ, насколько мы можемъ не сознавать незначительныхъ движеній нашихъ членовъ, пальцевъ или рукъ, ясно доказывается слѣдующимъ интереснымъ опытомъ, легко доступнымъ каждому: если взять дамскую шпильку, загнуть съ одного конца крючкомъ и этимъ крючкомъ повѣсить ее на тупой, ровный край обѣденнаго ножа, поддерживаемаго горизонтально за оба конца двумя руками, другимъ же свободнымъ нижнимъ концомъ шпильки слегка и косо касаться гладкой поверхности какой-нибудь тарелки, то съ перваго момента, къ изумленію самого экспериментирующаго лица, онъ увидитъ, что шпилька безо всякаго видимаго повода съ его стороны начнетъ

двигаться от одного конца ножа къ другому. Причиною этого, конечно, невидимыя и несознаваемые дрожанія рукъ, поддерживающихъ ножъ, такъ какъ тотъ же опытъ со шпилькой, но повторенный съ ножомъ, укрѣпленнымъ неподвижно на двухъ стойкахъ, при всѣхъ равныхъ остальныхъ условіяхъ, даетъ совершенно отрицательный результатъ.

§ 5. Процессъ образованія нашихъ представленій о формѣ, величинѣ и удаленіи предметовъ, т.-е. такъ называемыхъ пространственныхъ представленій—зрительныхъ, осязательныхъ, слуховыхъ и т. д.—и вытекающихъ отсюда иллюзій, полонъ интереса для всего разбираемаго нами вопроса о безсознательныхъ психическихъ актахъ или сужденіяхъ. Всѣ эти ощущенія и представленія вырабатываются въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, въ младенческомъ періодѣ жизни всегда на почвѣ сознательныхъ актовъ, которые въ силу безконечнаго повторенія переходятъ въ безсознательные акты. Такъ, объективированіе зрительныхъ ощущеній, т.-е. отнесеніе источника ихъ во внѣшній міръ, достигается путемъ весьма длинной сознательной работы. Исторія развитія зрительныхъ ощущеній у прозрѣвшихъ слѣпыхъ ясно показываетъ, что вначалѣ всѣ предметы кажутся какъ бы касающимися глазъ, а затѣмъ, путемъ повторенія опыта при разныхъ условіяхъ и подъ контролемъ другихъ органовъ ощущеній, предметы внѣшняго міра мало-по-малу отодвигаются отъ глазъ и приурочиваются при помощи мышечныхъ усилій, аккомодацийъ глаза къ разстояніямъ, при помощи сведенія или разведенія зрительныхъ осей и т. д. на должномъ разстояніи отъ человѣка, и это объективированіе зрительныхъ ощущеній укрѣпляется до такой степени сильно въ нашемъ сознаніи, что человѣкъ уже невольно относитъ всякое возбужденіе сѣтчатки, даже вызванное внутренними причинами въ самомъ глазу, во внѣшній міръ; сюда относятся всѣ такъ называемыя энтоптическія явленія въ глазу, такъ называемыя фигуры Пуркина, фосфоры; все это является результатомъ безсознательно заученнаго явленія, вводящаго человѣка въ зрительныя ошибки. Мы, такимъ образомъ, производимъ массу ошибокъ при оцѣнкѣ величины предметовъ, разстояній, отдѣляющихъ ихъ отъ насъ; большинство случайныхъ ошибокъ зависитъ въ этомъ случаѣ отъ заученнаго сочетанія величины изображенія на сѣтчаткѣ съ большимъ или меньшимъ сведеніемъ зрительныхъ осей на разсматриваемомъ предметѣ, а также и аккомодативныхъ усилій, необходимыхъ для яснаго видѣнія предмета при данномъ разстояніи; такъ, опытъ насъ учитъ, что при равной величинѣ изображеній двухъ предметовъ на сѣтчаткѣ тотъ изъ нихъ въ дѣйствительности больше, кто находится дальше, т.-е. тотъ, который требуетъ для его видѣнія меньшаго сведенія зрительныхъ осей и меньше аккомодативныхъ усилій глаза, и поэтому, если поставить глазъ въ такія искусственныя условія, чтобы при завѣдомо одной и той же вели-

чинѣ предмета и на томъ же разстояніи отъ глаза, въ одномъ случаѣ воспринимать его глазомъ при меньшемъ сведеніи осей, а въ другомъ при большемъ сведеніи ихъ, то мы впадемъ невольно въ ошибочное заключеніе, и во второмъ случаѣ предметъ будетъ казаться больше, хотя онъ въ дѣйствительности совершенно одинаковой величины. Мы дѣлаемъ массу ошибокъ на основаніи безсознательныхъ умозаключеній, относящихся къ опредѣленію величины, длины, разстоянія и т. д. въ зависимости также отъ степени однородности или разнородности измѣряемыхъ пространственныхъ величинъ. Чѣмъ, напримѣръ, пространство однообразнѣе, чѣмъ оно однороднѣе, тѣмъ оно кажется короче, и, наоборотъ, чѣмъ оно разнообразнѣе по входящимъ въ него деталямъ, какимъ-нибудь мѣткамъ, подраздѣленіямъ, тѣмъ пространство кажется больше; въ этихъ случаяхъ умъ пользуется, какъ бы безсознательно, этими деталями, этими мѣтками, какъ единицами для измѣренія пространства, разстоянія, и чѣмъ число ихъ больше, тѣмъ и пространства кажутся большими. Вотъ почему на морѣ всѣ разстоянія кажутся короче, чѣмъ на сушѣ: въ направленіи горизонта разстоянія кажутся всегда больше, чѣмъ по направленію къ зениту; всякая пустая зала кажется меньше той же залы, но уставленной рядами стульевъ или наполненной людьми; дама въ платьѣ, исчерченномъ поперечными горизонтальными полосами, кажется всегда выше, чѣмъ та же дама въ платьѣ, исчерченномъ вертикальными полосами; въ послѣднемъ случаѣ она кажется толще и т. д. Изъ этихъ категорій ошибокъ можетъ возникнуть слѣдующая, всѣмъ извѣстная ошибка безсознательнаго сужденія. Я разумѣю ошибку въ опредѣленіи величины полной луны на горизонтѣ, при ея восходѣ, и величины той же луны, когда она въ зенитѣ. Кому не извѣстно, какъ разнится величина луны въ этихъ двухъ положеніяхъ; какой огромной кажется она при восходѣ ея на горизонтѣ и какой маленькой въ зенитѣ, хотя въ дѣйствительности она имѣетъ тотъ же діаметръ въ обоихъ случаяхъ; но такъ какъ разстояніе луны отъ насъ на горизонтѣ намъ кажется больше, чѣмъ въ зенитѣ, въ силу вышеизложенныхъ причинъ, то мы и дѣлаемъ то безсознательное заключеніе, что если при увеличенномъ разстояніи (въ данномъ случаѣ воображаемомъ) предметъ даетъ на сѣтчаткѣ изображеніе той же величины, то онъ долженъ быть больше, и, такимъ образомъ, путемъ безсознательныхъ умозаключеній мы изъ одной ошибки попадаемъ въ другую, и эта ошибка такъ неотвязчива, что мы отъ нея не можемъ отдѣлаться, не взирая на очевидную ея нелѣпость.

Въ общемъ можно сказать, что всѣ эти ошибки являются невольнымъ примѣненіемъ къ различнымъ частнымъ случаямъ заученныхъ до механичности умозаключеній. Возьмемъ еще примѣры другихъ безсознательныхъ ошибочныхъ умозаключеній изъ сферы другихъ органовъ, напримѣръ, слуха и осязанія.

Очень любопытенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій опытъ ошибочной локализациі слуховыхъ ощущеній. Если приложить къ обоимъ ушамъ два телефона, издающихъ совершенно одинаковый по силѣ и высотѣ звукъ, то, при одинаковости слуха въ обоихъ ушахъ, мы слышимъ звукъ не въ нихъ, не въ окружающемъ гдѣ-либо пространствѣ, а въ серединѣ черепа, въ одной точкѣ его, и, слѣдовательно, мы не объективируемъ звукъ, а, наоборотъ, субъективируемъ его. То же самое, конечно, происходитъ и со словами рѣчи, и съ разными музыкальными мелодіями, раздающимися внѣ насъ и т. д., если только звуки ихъ доводятся при помощи виллообразно вѣтвящейся трубки къ обоимъ ушамъ одновременно; и въ данномъ случаѣ всѣ звуки мы локализуемъ въ одной точкѣ по серединѣ черепа. При этомъ ошибки въ локализациі въ звукахъ объясняются притомъ всего безсознательными умозаключеніями, а именно: обыкновенно мы относимъ звуки кнаружи и, при опредѣленіи направленія, откуда они идутъ, руководствуемся разницей въ силѣ звуковыхъ ощущеній, воспринимаемыхъ нами правымъ и лѣвымъ ухомъ, причѣмъ мы относимъ звукъ всегда въ направленіи того уха, которое сильнѣе воспринимаетъ его; это—то, что дѣлается въ дѣйствительности. Если же обставить дѣло такъ, какъ въ предыдущихъ опытахъ, чтобы оба уха возбуждались звуками, совершенно одинаковыми по силѣ, высотѣ и тембру, то этимъ мы невольно лишаемъ себя возможности относить звуки куда-либо—вправо или влѣво—и совершенно безсознательно заключаемъ, что они раздаются гдѣ-то внутри, въ центрѣ черепа въ равномъ разстояніи отъ обоихъ ушей. Если обставить опытъ такъ, чтобы можно было измѣрить время слуховой реакціи при этихъ двухъ случаяхъ выслушиванія звуковъ: объективного и субъективного, т.-е., другими словами, время, протекающее между началомъ раздраженія уха и произвольной сигнализацией воспринятаго звука движеніемъ, то оказывается, что это время реакціи при субъективной локализациі звука больше, чѣмъ при обычномъ объективированіи звука, на нѣсколько сотыхъ долей секунды, и это время какъ-разъ и тратится на совершеніе этого непроизвольнаго умозаключенія.

Приведу еще два примѣра дѣлаемыхъ нами ошибокъ изъ сферы осязательныхъ ощущеній. Вспомнимъ такъ называемый аристотелевскій опытъ дотрогиванія до какого-нибудь одного предмета промежутокъ между кончиками двухъ перекинутыхъ другъ на друга ручныхъ пальцевъ; на примѣръ, когда средній палецъ руки перекинутъ черезъ указательный палецъ той же руки, и когда, слѣдовательно, шарикъ, къ которому прикасаются этимъ промежутокъ, одновременно дотрогивается до локтевой стороны средняго пальца и лучевой стороны указательнаго. Въ этомъ случаѣ одинъ шарикъ кажется намъ

всегда двойнымъ. Дѣло объясняется ошибочнымъ бессознательнымъ сужденіемъ нашимъ. Вотъ на чемъ основано это умозаключеніе. Дѣло въ томъ, что путемъ безконечнаго ряда повтореній мы вынесли за-ключеніе, что одинъ и тотъ же предметъ, попадающій межъ кончиковъ пальцевъ нашей руки, можетъ касаться одновременно только локтевой стороны, напримѣръ, указательнаго пальца и лучевой стороны средняго пальца; разъ извращаются эти отношенія, т.-е. какъ только предметъ касается необычныхъ при этомъ актѣ поверхностей пальцевъ, т.-е. лучевой стороны указательнаго пальца и локтевой поверхности средняго, то мы заключаемъ, что предметъ не одинъ, а ихъ должно быть два, и мы не можемъ освободиться отъ этого неотвязчиваго умоза-ключенія даже въ томъ случаѣ, когда мы смотримъ открытыми гла-зами на предметъ, котораго касаемся при аристотелевскомъ опытѣ.

Вторая поразительная ошибка, основанная на заученномъ без-сознательномъ объективированіи осязательныхъ ощущеній, встрѣчается у нѣкоторыхъ ампутированныхъ людей, которые часто чувствуютъ, напримѣръ, боль въ кончикѣ пальца уже давно удаленной ноги или руки или жалуются, что чешется или зудитъ то или другое мѣсто конечности, которое давно уже удалено. Все дѣло тутъ въ томъ, что при развитіи осязательныхъ ощущеній мы постоянно приучались относить ихъ къ периферіи тѣла, къ мѣстамъ, въ которыхъ заканчи-ваются чувствующие нервы, и вслѣдствіе этого, когда въ ампутиро-ванномъ колѣнѣ раздражаются, по чему бы то ни было, оставшіеся здѣсь чувствующие нервы, субъектъ невольно относитъ источникъ воз-бужденія къ тому мѣсту кожной периферіи, гдѣ при нормальныхъ условіяхъ заканчивались эти перерѣзанные периферическіе нервы. Словомъ, всякое возбужденіе чувствующихъ кожныхъ нервовъ по длинѣ ихъ относится къ периферіи, и образцомъ этого явленія можетъ слу-жить еще слѣдующій всѣмъ извѣстный фактъ: при ударѣ локтемъ о что-либо твердое мы ощущаемъ вслѣдствіе механическаго раздра-женія лежащаго здѣсь поверхностно локтевого нерва сильное чув-ство бѣгавія мурашекъ, но только не въ локтѣ, гдѣ совершился ударъ, а въ мѣстахъ кожи ручной кисти, гдѣ развѣтвляется локте-вой нервъ; наконецъ, намъ извѣстенъ опытъ Вебера, состоящій въ погруженіи локтя въ ледяную воду, причемъ вскорѣ появляется сильнѣйшая боль въ рукѣ, но только не въ локтѣ, а въ кисти руки, въ мѣстахъ развѣтвленія локтевого нерва. Всѣхъ этихъ примѣровъ кажется достаточно для того, чтобы признать существованіе цѣлой массы бессознательныхъ психическихъ актовъ, основанныхъ на без-сознательныхъ умозаключеніяхъ, вторгающихся въ обиліе коли-чествъ въ ходъ нашей обыденной жизни и приводящихъ насъ не-рѣдко къ ошибочнымъ выводамъ и къ иллюзіямъ.